

18+

Гумэн Шагжаев
Меж двух огней. Книга 1.
Шёпот грядущего

Тумэн Шагжаев
Меж двух огней. Книга
1. Шёпот грядущего

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838465
ISBN 9785449360038*

Аннотация

Тьма сгущается над миром Варнаар. Северные варвары и восточные орды стремятся подмять под собой мирные королевства. Четверо молодых героев (рыцарь запада, северный бастард, восточный принц и южная дворянка) оказываются в самом центре этого кипящего котла. Сумеют ли они изменить ход истории в свою пользу или же падут еще одной жертвой бессмысленной бойни?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Запад	13
Глава 2. Юг	37
Глава 3. Восток	46
Глава 4. Север	59
Глава 5. Запад	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Меж двух огней. Книга

1. Шёпот грядущего

Тумэн Шагжаев

Саша Поляны *Редактор*

Татьяна Головизнина *Иллюстратор*

Белла Бергольц *Иллюстратор*

© Тумэн Шагжаев, 2019

© Татьяна Головизнина, иллюстрации, 2019

© Белла Бергольц, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4493-6003-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-6004-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Северная граница Королевства Кориан.
Настоящее время – спустя два дня после
Пробуждения Владыки Погибели.*

Дожди этой весной пришли очень рано – многие считали это дурным знаком. Все последние дни тучи не сходили с неба, и взошедшее солнце было бы как никогда кстати...

Будучи рыцарем одного из самых уважаемых орденов в королевстве, сир Маркос Крогер – по прозвищу «Отважный» – уже не ощущал былой отваги и ёжился под холодным ветром, пришедшим сразу же после дождя. Вода легко проникала сквозь тяжёлые доспехи, намокшая ткань прилипла к телу, от чего кожа покрывалась мурашками. Лошадь под ним то и дело мотала головой, брызгая каплями Маркосу в лицо, которое было уязвимо из-за открытого забрала. Серые глаза рыцаря грустно всматривались вдаль, и круги под ними с каждым днем всё сильнее нависали и чернели. Прямой нос, чудом сохранившийся после стольких битв и тренировок, улавливал свежий ледяной воздух. Усы и борода, казавшиеся лишь небольшой тенью на щеках, темнели камнем-обсидианом – чёрным с проблесками серебра.

Холм, на котором стоял Маркос, возвышался над небольшой, некогда лесистой долиной, а разрушенная крепость

с четырьмя башнями мрачно взирала на чёрный лес, к которому рыцарь был повернут спиной. Всю долину, вплоть до леса, покрывал мокрый белый пепел, совершенно непонятно откуда взявшийся. Ветер гудел и тихо выл, словно узник, закрытый в глухом подземелье. А его дуновение пронизывало спину Маркоса – не спасал даже добротный меховой плащ сиреневого цвета. Но хуже всего приходилось другому человеку, стоявшему рядом. Тот был среднего роста, в изношенных солдатских латах, державшихся, видимо, лишь на вере, а шлема не имел и в помине. Солдат непрерывно дрожал, стуча зубами громче всякого дятла. Посиневшими руками он обхватил себя, пытаясь удержать то тепло, что ещё оставалось в теле.

Прошло уже немало времени, и сир Маркос начал терять терпение. Но, видимо, Бог услышал его – вдалеке уже показались пики со знаменами, на которых рдело Пурпурное сердце, а затем появились и сами знаменосцы. Тяжеловооруженные рыцари, проезжая на породистых лошадях и грохоча металлом, грозно оглядывали руины и пепельную долину, а затем обращали свои взоры и на Маркоса. Во главе процессии ехал лорд Виктус Штургар, командир отряда. Его лицо, словно вытесанное из камня, пестрело шрамами, нос был перебит, а вместо левого глаза светился фиолетовый камень. Борода и усы уже покрылись сединой, как и голова, хотя было заметно, что некогда волосы этого человека чернели как смоль. Великолепный чёрный доспех Вик-

туса был в хорошем состоянии, прослужив в семье лорда не меньше трех столетий. Пурпурный плащ хоть и казался мокрым, но не входил ни в какое сравнение с тем, что был надет на Маркосе.

– Приветствую, Ваша Светлость! Вы задержались. Что-то случилось в дороге? – спросил сир Маркос.

– И тебе не хворать, Маркос. Да, нам пришлось заняться кое-какими делами по пути сюда. Чёртовы северяне разобрали мост, а бревна оставили на другом берегу. Река вышла из границ, и мы потеряли двух людей, пока не наладили переправу. Что тут у тебя? – поинтересовался лорд Виктус, указав рукой в железной рукавице на дрожавшего солдата.

– Дезертир. Говорит, видел, как тут всё случилось. Клянется, что не собирался никуда уходить из крепости и бросать свою службу. Но я нашёл его в дорожной гостинице, в двух милях отсюда. Он лежал пьяный и с раной в боку. Хозяйка приютила его, но чем он с ней расплатился, говорить отказывается. Уверяет, что та по своей доброте ухаживала за ним, – Маркос поглядел на солдата, но тот не отрывал глаз от земли и продолжал дрожать.

Голосом, способным разогнать тучи, лорд Виктус спросил:

– Как твоё имя?

– Гродер, милорд, – стуча зубами, просипел солдат.

– Скажи-ка мне, Гродер, что ты делал в той гостинице и где твои дружки?

– Они мне не друзья, милорд, и никогда не были. Меня привезли туда на телеге. Я плохо соображал и почти не помню, как там оказался. Куда они ушли, я тоже не знаю, – солдат боялся поднять глаза и смотрел лорду Виктусу в ноги.

– Это правда? Если ты лжёшь, то я велю четвертовать тебя, а останки скинуть волкам на поживу. Их тут, говорят, развелось как северян, – драгоценный глаз лорда Виктуса, командира рыцарей Пурпурного сердца, зловеще сверкнул.

Сир Маркос вмешался:

– В двух днях пути к северо-западу я наткнулся на крестьян. Они видели дружков этого дезертира, когда те направлялись к замку лорда Грандсмара.

– Крестьяне помнят, как те выглядели? – спросил лорд Виктус.

– Сказали, что у одного из них был громадный меч – выше любого человека. У другого – такой же большой лук. Командовал ими молодой человек с длинным пером на шлеме. Крестьяне также заметили, что у него, как и у некоторых других, на груди был нарисован коронованный череп.

Лорд Виктус Штургар процедил сквозь зубы:

– Крессенг...

Маркос удивился:

– Но ведь Крессенги живут южнее, в болотных трясинах. Зачем кому-то из них ехать на север и учинять такие беспорядки?

– Это одному Богу известно. Но мне всё же придётся по-

слать к лорду Айхему. Насколько я помню, он болен и прикован к постели, значит, это был кто-то из его сыновей.

– Неужели? Род Крессенгов хоть и беден, но благороден и горд. Насколько я помню уроки истории, они даже когда-то были королями! – сказал Маркос и тут же подумал: «Не впустию были потрачены годы в церковной школе...»

– Дела минувших дней. Сейчас меня волнует, чем они теперь занимаются. Если Крессенги замешаны во всем этом, то будут привлечены к суду, как и другие, – лорд Штургар сурово посмотрел на солдата. – А этот, если хочет жить, пускай быстрее развяжет язык, пока мы ему не помогли. Сир Маркос, отъедем в сторону. Остальные – спускайтесь к крепости и общитесь там всё.

Рыцари начали спешиваться, двое из них обхватили Гродера, и тот с непонимающим видом поплелся за ними, напоследок бросив взгляд на сира Маркоса и лорда Штургара.

Сир Маркос и лорд Штургар взобрались на невысокий холм, а после подъехали к лесу, который стал выглядеть ещё темнее, словно обгоревшим. Травы под ногами не было, виднелся лишь один мокрый пепел. Маркосу не понравился этот лес, показалось, будто лес смотрит на него, обнажает его мысли.

– Что ещё ты узнал? – спросил лорд, придержав коня одной рукой, а другой пытаясь стряхнуть накопившийся пепел с плаща.

– Что мы немного опоздали. Если бы разведчики были

резвее, то мы могли бы опередить людей Крессенга. Но след оборвался, а дождь помог им уйти.

– Их нужно найти. Вчера мы наткнулись на одну из этих девок, именующих себя «Святые сестры», хотя если взглянуть на неё, то о святости тут речь не пойдёт. Ко всему прочему она ещё на меня и накричала, требуя объяснений, почему никто не догадался, что враги наплевали на перемирие, переходят границу и буйствуют в этих землях. Так и хотелось дать разок по клюву этой мелкой наглой курице...

– Тронуть Божью дочь равносильно измене, тем более – командира Святых сестёр, – напомнил сир Маркос.

– Знаю. Но у нас проблемы поважнее. Я так ей и сказал тогда, вдогонку отчитав за их действия. А именно – за отсутствие оных. Оказывается, она спаслась из плена и грозитя привести сюда войско, чтобы призвать всех к ответу, – лорд Штургар сплюнул на землю при этих словах. – Покажи мне, где ты нашёл это тело.

Сир Маркос указал на широкую черную яму:

– Оно здесь.

– Что за чёрт? – спросил лорд Виктус, трогая по краям стеклянную землю, – откуда тут всё это?

– Я и сам не знаю. Но мне гораздо интереснее то, как можно было разделить тело таким странным образом, – сир Маркос спустился вниз, и твердая черная земля трескалась под ним, словно лёд.

Труп северянина лежал посреди ямы, без ног, ровно раз-

резанный чуть ниже пояса. У северянина были длинные белые волосы, а голубые глаза потускнели.

– Думаешь, он был среди атакующих? – спросил лорд Виктус.

– Не знаю. Но часть гарнизона крепости каким-то чудом отбилась, некоторые, исключая того бедолагу, сумели бежать. Так что угроза всё-таки есть. Ах, да, насчет того человека, которого видели крестьяне, того с огромным мечом! Вы думаете это был...

– Не думаю. Уверен. Мерзкий предатель сжег все мосты, связывавшие его с орденом и Господом. Пусть его сердце пожрут черви, а душу рвёт в клочья Мельзеул. В Аду ему самое место.

– Возможности для раскаяния у него почти не осталось, но время ещё есть. Искупление. И очищение души, – неожиданно для себя самого проговорил Маркос, никогда ранее не замечавший за собой набожности.

Лорд-командир взобрался на коня:

– Хватит нести чушь. Меня не волнует судьба его души и искупление пред Господом. Сейчас мы должны найти остальных северян, если те всё ещё рыскают здесь поблизости. Авось и на шайку Крессенга наткнемся. Тогда и дело с концом, – сказал он и поскакал к крепости.

Маркос посмотрел ему вслед:

– Надеюсь, милорд. Очень надеюсь...

Чутьё подсказывало сиру Маркосу: ничто ещё не кончено

и самое худшее ожидает впереди.

Глава 1. Запад

*Земли лорда Айхема Крессенга. Королевство Кориан.
За неделю до.*

– Милорд, он ещё дышит! – прокричал молодой целитель Жозеф, склоняясь над лежащим рыцарем.

«Милорд» Клаус Крессенг спешился и взглянул из-за плеча Жозефа на раненого. Это оказался рыцарь в закрытом, погнутом вовнутрь шлеме и в темно-синих с золотистыми линиями доспехах. Целитель попытался снять шлем, сдавивший бедолаге голову. Клаус помог Жозефу, и, как только они с трудом открыли забрало, на них брызнула горячая кровь. Лицо рыцаря было красным, рот был полон алой клокочущей жидкости, и, захлебываясь, он пытался им что-то сказать.

– Передать... лорду Грандсмару... на границе... Север... ждет... быстрее... – в этот миг рыцарь испустил протяжный хриплый стон и замолчал.

Эти слова заставили Клауса посмотреть на правую руку рыцаря, которую тот ещё несколько секунд назад пытался тщетно поднять. В ней виднелся свёрток. Приложив небольшое усилие, Клаус выдернул свёрток из руки мертвеца, раскрыл и заметил, что свёрток похож на футляр для важных писем и донесений. Золотого цвета, с маленькими зажимами по краям, с нарисованными на ребристой поверхности неизвестными знаками. Таких Клаус ещё ни разу не видел, а ему приходилось порой наблюдать, как послы лордов несли по назначению бумажные донесения, лежавшие в надеж-

ных серебряных и золотых футлярах. К таким футлярам, как помнил Клаус, подходили маленькие ключи, без которых их нельзя было открыть и прочесть содержимое.

– Что будем делать, господин? И что это такое? – спросил Жозеф.

– Не знаю. Это как... снег на голову, – Клаус не мог говорить: горло у него пересохло и слова не шли.

– Думаю, это футляр для письма. И открывать его пока не следует. Особенно здесь. Прошу милорд, поедем в Стоунхардсвен и там решим, что нам делать дальше.

– Согласен, – произнес Клаус, немного помедлив. И взобрался на лошадь.

– Вы двое, поднимите рыцаря и посадите на мула, один из вас пойдет дальше пешком, – приказал Жозеф стоявшим рядом латникам. Те послушно кивнули, подняли тело рыцаря и водрузили на седло. Кровь умершего стекала густыми линиями до земли, окропляя всё под собой.

Ожидался ещё один обычный, скучный день, когда Клаус Крессенг, молодой восемнадцатилетний дворянин из древнего, но обедневшего корианского рода, проезжал по своим крошечным владениям, проверяя, все ли готово к весеннему посеву. Та болотистая местность, где они наткнулись на неожиданную встречу с умирающим незнакомцем, находилась ровно посередине кривой дороги, соединявшей две захолустные деревушки – Стоунхардсвен и Филсуотер. Они достались Клаусу по наследству от больного отца, решив-

шего ещё при жизни раздать земли своим сыновьям. Старшим братьям перешли во владение хорошие деревни и поселения южнее, с плодородной урожайной почвой, с рынками для торговли и людными городками, тогда как ему достались самые окраинные северные болота, с размытыми дорогами, с крестьянами, живущими в разваливающихся хибарах.

В это утро целитель Жозеф попросил Клауса проехать с ним до Филсуотера, чтобы решить вопрос с двумя крестьянами. Один из этих крестьян спьяну решил поохотиться в лесу на оленя, но ошибся и подстрелил соседского козла. На это второй крестьянин – разъяренный хозяин животного – уже сам пустил стрелу в убежавшего охотника. И попал тому в зад. Оба требовали компенсации. И справедливый суд Клауса, учитывая мудрые советы Жозефа, решил, что провинившийся охотник должен будет разделать убитое животное, а его жена должна приготовить и накормить семью владельца козла. Владелец же обязуется выплатить три бронзовые монеты за услуги Жозефа по спасению филейной части нерадивого охотника, принявшей на себя удар стрелы.

Обратный путь в Стоунхардсвен прошёл спокойно, если не считать смешки трёх охранявших Клауса латников, обсуждавших произошедшее. Но и они замолкли, увидев раненного рыцаря, который пытался встать, но из-за раны и доспехов беспомощно дрыгал ногами.

Крепко сжимая в руке футляра, Клаус всю дорогу не мог прийти в себя: этот бедный покойный рыцарь, просивший

об услуге, вызывал все больше вопросов.

«Кто пытался убить его? И кому тот нес письмо?»

Рыцарь упоминал лорда Грандсмара, которого Клаус знал, встречал его, когда тот гостил у отца в Кресслэнде, родовом замке Крессенгов.

– Мы уже близко, – сказал Жозеф, оторвав Клауса от его мрачных дум.

«Стоунхардсвен...»

Клаус помнил, как впервые приехал сюда и стал полноправным властителем двух деревень. Беззаботная жизнь в замке отца казалась страницей из другой жизни.

Клаус Крессенг был седьмым и самым младшим из сыновей лорда Айхема Крессенга из королевства Кориан. Поэтому с самого детства Клаус знал, что никогда не сможет достичь тех высот, на которые могли претендовать его старшие братья. Но он был уверен в том, что отец любит его также, как и других, и после своей смерти не оставит никого без соответствующего наследства. Яркой внешностью Клаус не блистал, но и совершенно некрасивым его назвать было нельзя. Некоторые даже шутили: не прижил ли старый лорд последнего сынка от крестьянки? Лицо у Клауса было вполне обыкновенное, по некоторым меркам даже симпатичное. Глаза же, как ему сказали, были в точности как у умершей при родах матери: большие и оранжевые, кажущиеся доверчивыми. Хотя, возможно, они не только казались, но и были такими, учитывая характер Клауса – добрый, податливый

и слегка наивный. Даже доспехи не всегда придавали его образу воинственность и жестокость.

С ранних лет Клаус любил мечтать, и, как ему казалось, мечты его были слишком велики для молодого юноши, хоть и благородного происхождения. Он сторонился шумных компаний, которые собирали его братья, предпочитал уединение за книгами и прогулки в лесу, неподалёку от замка. Клаус мечтал, что в будущем станет великим рыцарем и будет командовать орденом Пурпурного Сердца, ведя за собой знаменитых воинов, готовых бесстрашно защищать королевство. Однажды ему приснилось, что его избрали Великим магистром ордена и он повёл огромные войска против северян, вторгшихся в их страну два года назад, и против восточных варваров, про которых рассказывали отцовские солдаты. И мечтами своими он не делился ни с кем, кроме одного случая, когда в одиннадцать лет открылся своему брату Конраду, которому в ту пору было тринадцать. Мало того, что тот поднял Клауса на смех, так в придачу ещё и разболтал обо всём обитателям замка. Весть дошла и до отца, но он, к удивлению Клауса, сказал лишь, что это не страшно, что со временем это пройдет.

Всех сыновей лорда мастерству владения мечом, копьём и стрельбе из лука обучали старые домашние рыцари. Четырёх старших – Марка, Виллиса, Данема и Шудгара, – и трех младших – Тирона, Конрада и Клауса – обучали отдельно. И, как заметил Клаус, старшим отдавалось куда больше време-

ни и сил, в то время как младшим уделялось лишь по три-четыре урока в неделю. Видимо, отец считал, что четверых защитников его владениям хватит, а младших нужно больше обучать грамоте и наукам. Клаус был не против этого, но с грустью осознавал, что таким путём стать прославленным воином ему не удастся. И по вечерам, когда все отдыхали или готовились ко сну, он втайне тренировался в старой конюшне вместе с конюхами, заодно обучая их тому, что сам узнавал на тренировках.

Годы спокойствия внезапно омрачились перспективами грядущих женитьб, затеянных старым лордом, чтобы многочисленные сыновья смогли обзавестись достойными женами. Все братья, кроме Клауса, приняли свою участь смиренно и с улыбкой на устах. Это и не мудрено, так как отец, если судить по его покойной супруге, выбирать девушек умел. Но, похоже, после первых шести невесток, его чутье дало сбой, поскольку Клаусу его суженая не понравилась настолько, что он в день знакомства убежал в лес и его три дня искали вместе с собаками. Отвергнутая невеста – дочь влиятельного купца – за дни отсутствия Клауса устроила в их замке настоящий погром, требуя сбежавшего жениха к себе. На четвёртый день его все-таки поймали и приволокли домой. Там ему пришлось по всем законам приличий просить прощения, а позже всё-таки отказать юной деве, после чего та с превеликим шумом покинула родовое гнездо Крессенгов, оставив после себя неизгладимое впечатление у старого

лорда, страх у замковой прислуги и горячий красный след от пощечины на щеке Клауса.

После этого случая разговоры о женитьбе Клауса на время были прекращены. И ему наконец стало свободнее дышать. Это время он посвящал верховой езде и фехтованию.

Страна всё ещё оправлялась от ужасного вторжения северного королевства Арзакия, произошедшего два года назад, размах которого до сих пор не могли оценить. Люди гибли тысячами на полях сражений, в осаждаемых замках, горящих деревнях, на дорогах, важных для переброски войск. «Война с холодом» – так прозвали те страшные события в народе, когда полчища свирепых северных воинов хлынули на южные королевства Кориан, Ардор и Малганир, повсюду неся за собой ледяную смерть. В той войне помимо обычных солдат, рыцарей и лордов погибали и короли.

Мефирос V Арзарин, король северян, прозванный своими врагами «Белым Дьяволом», полностью оправдал своё прозвище. Он был высок, силен, яростен в бою и дьявольски красив, когда снимал свой великолепный серебряный шлем с тремя острыми зубцами. Говорили, что над ним всегда летал его личный ларсин – огромная белая птица, похожая на орла, но превышавшая его по размерам раз в пять. Но и ларсин не сумел спасти своего хозяина от неминуемой смерти, когда тот осаждал последний рубеж к столице Ардора – неприступный город-крепость Фортус. Король погиб под его стенами вместе с тремя своими принцами-сыновья-

ми. Двумя месяцами ранее, в сражении на Солнечном поле был убит и растоптан лошадьми северян король Кориана Викандес IV Грекинг. Рассказывали, что его лошадь испугалась несущейся на них галопом бронированной линии арзакийцева авангарда и сбросила своего седока, молившегося в то время о победе. Вскоре после этого его сын, принц Жонас, принёс клятвы оберегать своё королевство. И увел войска Кориана со всех полей бушевавших битв, за что его не возлюбили соседи и некоторые из своих же лордов и рыцарей.

Самого Клауса тоже коснулась эта война, хотя он в ней не участвовал. Но его старшие братья, сумев уговорить отца, уехали на север ради защиты отечества. Четверо уехали, вернулись трое. Виллис погиб на второй день после прибытия в полевой лагерь, когда северяне ночью атаковали ещё спавших корианцев. А Шудгар, хоть и вернулся домой, но из-за полученных ран долго с роднёй не побыл и вскоре отправился к Небесному Отцу. Младшие же братья всю войну пробыли дома, готовые собрать оставшийся гарнизон и дать отпор захватчикам. Но этого не потребовалось и, благополучно пережив военное положение, Крессенги продолжили заниматься прежними насущными делами.

Мирное время доучало Клаусу. Ему нравилось покидать замок, чтобы прогуливаться по окрестностям, сидеть на любимом дереве в лесу и мечтать о своем будущем, которое, казалось, будет полным приключений. Две недели он провел охотясь в Железном лесу, в компании друга детства –

Кайла Штургара, чей дядя был одним из командиров ордена Пурпурного Сердца. Клаус любил расспрашивать друга о том, каково его дяде Виктусу служить в таком почётном и уважаемом в королевстве рыцарском ордене. Оба лелеяли надежды, что когда-нибудь вступят туда, но, к сожалению, они не были рыцарями и никто пока не спешил посвящать их. В один из ранних весенних дней пришла весть о том, что болезнь отца, с каждым мгновением разрастающаяся в некогда могучем теле, усилилась и Клаусу надлежало немедленно вернуться в замок. Попрощавшись с Кайлом и сев на свою гнедую лошадь, он помчался домой.

Приехав к вечеру в Кресслэнд и войдя в отцовскую опочивальню, Клаус заметил там братьев Данема и Конрада, стоявших с мрачным видом возле полузакрытого окна, а также заметил молодого неизвестного целителя, который прижимал лекарственные примочки к голове дрожавшего лорда.

– Клаус... Сын мой, подойди... – слабым голосом позвал к себе отец. Он выглядел старше и гораздо более больным, чем обычно. Седые волосы и борода стали длинными и ломкими, а лицо, прежде улыбчивое и счастливое, высошилось и побледнело.

– Я здесь, отец, – ответил Клаус, встав на колени перед кроватью.

– Клаус, ты мой самый младший сын, и я горжусь, что ты стал тем, кем ты стал. Но я не менее горд тем, кем ты можешь стать, – речь давалась лорду с трудом, его голос хрипел. Пот

каплями стекал по лицу.

– О чём ты говоришь? – слова отца насторожили Клауса.

– Ты всегда рассказывал мне... о том, что сможешь добиться невиданных высот. Твои мечты и желания казались многим лишь глупостью. Стать магистром ордена... Кхе-кхе... Я верю, что тебе уготована иная судьба, нежели быть обычным рыцарем на службе у братьев. Хотел бы я дожить до того момента, когда ты достигнешь триумфа... Кхе-кхе... – на глаза лорда навернулись слезы, он закашлялся.

Целитель открыл свою сумку и достал оттуда бутылки и склянки с жидкостями:

– Ему нужен покой. Милорд отказывался принять лекарство, пока не увидит вас. Сейчас вам всем лучше выйти и ждать снаружи.

– Идём Клаус, ты слышал целителя, – позвал Конрад, брат, который был старше всего на два года, но всем видом давал понять, что старше – на все пятьдесят. Ростом он не вышел, но был широк в груди, короткие волосы клином стояли над лбом, а надбровные дуги скрывали холодные чёрные глаза.

Клаус, всё ещё глядя на отца, повиновался и встал.

Втроём они вышли в коридор.

Конрад, закрывая за собой двери, мрачно заявил:

– Отец не успел тебе сказать: он хочет отдать тебе две деревни к северу от перевала Брейна. Филсуотер и Стоунхардсвен.

– Так это же глушь... И болот там много... – сказал Клаус.

«С чего это отцу понадобилось сейчас отдавать мне часть земель?..»

– Радуйся, что хоть это отдали. Мы были против, но отца уже не переубедишь, – заметил Данем, худой и высокий, с крючковатым носом и длинными сальными волосами до плеч.

– Приведи там всё в порядок. Научишься немного ответственности, – добавил Конрад.

Сказав это, братья ушли, тихо переговариваясь.

С мыслями о новом приобретении Клаус прождал ещё около получаса, пока целитель не вышел из спальни отца.

– Как он? – спросил Клаус, едва тот закрыл двери.

– Спит, но дух его всё ещё держится. И думаю, что вряд ли он в ближайшее время нас покинет, – ответил целитель, застегивая свою сумку.

– Простите, меня не было довольно долгое время в замке и я не имею чести быть с вами знакомым, – признался Клаус, оглядывая целителя. Тот был невысоким, немного сутулым и скромно одетым. Волосы он перевязывал сзади в тугий пучок, но длинная прядь со лба висела над правым глазом и колыхалась при малейшем его движении. Лицо было местами загорелым, глаза смотрели с грустью и покорностью, но теплая улыбка, похоже, исцеляла не хуже любых лекарств.

– Нет, это вы меня простите. Мое имя Жозеф, я родом из деревушки Филсуотер и последние три года провел в походах, – поклонившись, ответил целитель.

– Походах?

– Служил в Редстауне, лечил раненых солдат и рыцарей. Работы было много, но, к счастью, и опыта прибавилось достаточно, – улыбаясь, сказал Жозеф.

– Ну, тогда, думаю, вы должны знать, что с недавних пор я являюсь владельцем Филсуотера и Стоунхардсвена вместе с их людьми и доходами.

– Значит, вы мой сюзерен. Буду рад служить вам. Если позволите, мне нужно удалиться, – Жозеф снова поклонился и ушёл.

Клаус вернулся в свою спальню, которая ничуть не изменилась с его последнего пребывания, помылся, переоделся ко сну. И лег в постель с тяжёлыми думами о том, что ему теперь нужно быть готовым к поездке к самым дальним владениям своего отца.

Рано утром, попрощавшись с домочадцами и поцеловав отца, который спал после лекарств, новоявленный землевладелец был готов направиться к своим угодьям. Клаус отказался от кортежа, который предложил брат Данем, когда вышел во двор, чтобы проводить его.

– Не думаю, что на пути мне встретятся жаждущие моей крови разбойники или северяне, – взбираясь на лошадь, проговорил Клаус.

Выехав в своем лучшем одеянии (чтобы его подданные с первого взгляда могли оценить своего нового хозяина), сидя на молодой кобыле, Клаус всё ещё думал о словах отца –

лорда Айхема. О детской мечте Клауса, о надеждах на него, младшего сына, которые он питает. Неужели он и вправду всегда так думал? Или же это простая исповедь умирающего старика, не всегда уделявшего достаточно времени своим детям после смерти любимой супруги...

Всю дорогу Клаус представлял себе, каким же именно будет его новое место пребывания, ждущее его распоряжений. Это одновременно и радовало, и печалило его. Названия не сулили ничего хорошего, но юношеский оптимизм никак не хотел уходить и предвкушение от встречи с жизнерадостными деревенскими жителями не омрачало Клауса. Насчет крестьян он не беспокоился, так как отцовские земли славились тем, что урожаи всегда были богатыми, да и война их обошла благодаря месту нахождения. И проблем с разбойниками, насколько он помнил, практически не бывало. Густые леса и горы с туманными вершинами были спутниками Клауса, провожали его невидимым взором.

Поездка заняла почти два дня, заметно утомивших Клауса, и по приезде в Стоунхардсвен, находившийся первым на его пути, вызвала желание найти лишь теплое место и выспаться.

К этому прибавилось ещё и разочарование из-за вида и состояния поселения, а также из-за оказанного ему приёма. Точнее, из-за отсутствия оного. Никто из местных жителей не соизволил выйти поприветствовать его. А возможно, они, как и сам Клаус два дня назад, даже не подозревали, что

у них сменился хозяин, и эти дни для них прошли так же, как и прежде. Винить их за это было бессмысленно, и Клаус поплелся в поисках деревенского старшины, чтобы узнать, какие апартаменты они ему могут предоставить.

Стоунхардсвен представлял собой грязную и серую мешанину наспех построенных домов, но державшихся, по-видимому, сотни лет. Имелись три улицы протяжённостью в одну милю, где не было никого, кроме лающих собак и бродячих кошек. Было даже некое подобие деревенской площади в центре, на которой, надо полагать, проходили ярмарки, праздники, публичные порицания и, возможно, казни, а также площадь эта могла быть рынком. Земля на ней была истоптана, а из-за недавнего дождя превратилась ещё и в болото.

После часа блужданий по деревне, во время которого дорогие коричневые сапоги стали чёрными и полными грязи, Клаус узнал от пробегавшего мимо мальчишки, что старшина неделю как в глубочайшем запое и его делами ведаёт местный священник из церкви святой хранительницы Сокорры, стоящей на холме. Туда Клаус и направился.

К церкви вела небольшая каменная тропинка, вдоль которой стояли иссохшие и кривые деревья.

Церковь была старой и изношенной, но было видно, что за ней тщательно ухаживали, чинили и латали дыры. И, похоже, многие местные находились в ней на утренней молитве.

Клаус подошёл как раз к концу, и люди уже начали расходиться. Выходя, они с любопытством разглядывали его, перешептывались и оглядывались.

Внезапный голос заставил Клауса вздрогнуть:

– Доброго утра. Вы пришли помолиться? Если так, то вы немного опоздали, – это произнёс священник.

– О, нет. Я не молиться сюда пришёл. Хотя, судя по выражениям лиц ваших прихожан, в будущем не раз буду вас навещать...

Священник шутки не оценил, и по его виду можно было предположить, что улыбка и смех вообще редко гостили на его лице. У него было сухое, изможденное, бледное лицо с квадратной челюстью. Он был лыс, и его лысину и лицо покрывали едва заметные татуировки с молитвенными словами и прочими непонятными узорами. Видимо, он когда-то хотел их затереть, но по непонятной причине оставил. Одет он был в чёрный домотканый хитон, ниспадавший до земли, а на его шее висел небольшой треугольный амулет.

– Что ж, как я понимаю, вместе с обязанностями священнослужителя вам приходится ещё и за деревней следить, быть старшиной? Я спрашиваю об этом, так как с сего дня являюсь полноправным владельцем и хозяином вашей деревни, а также Филсуотера с надлежащими землями и доходами. Именуйте меня Клаусом Крессенгом, сыном лорда Айхема Крессенга. А кто вы?

– Просто Мариус, скромный слуга хранительницы нашей

Сокорры, Божьей дочери, – слегка поклонился священник.

– И я рад знакомству. Но мне хотелось бы поскорее выяснить, где я могу остановиться. Я устал с дороги и нуждаюсь в еде и теплой постели, – сказал Клаус.

– Мы найдем вам место для ночлега и последующего пребывания. Я провожу вас, следуйте за мной, – с этими словами священник спустился по тропинке и направился к деревенской площади.

Всё-таки какая-никакая жизнь в деревне заиграла, в отличие от того, что Клаус видел утром. И площадь была полна народу, по ней сновали крестьяне, торговцы, воры и карманники, блудницы смотрели из окон, примечая новых людей, а пьяницы лежали без сознания под ногами. Клаус одним глазком заприметил среди пьяниц и деревенского старшину, всем своим видом демонстрировавшего единение с ними.

– Здесь всегда так убого и мрачно? – спросил Клаус, решив действовать напрямик.

– Жизнь всегда полна страданий. Люди живут, работают, растят детей и умирают. И нам не позволено судить о том, какой жизни желает нам Отец Наш Небесный. На всё Его высшая воля, – с каменным лицом пробормотал священник.

«Лучше бы и не спрашивал», – подумал Клаус.

Мариус провел его к полуразрушенной ратуше – её часть была в негодности уже несколько лет, – и показал комнаты, в которых Клаусу предстояло обитать.

– Я распоряжусь, чтобы вам принесли поесть. До скорого.

– Подождите, – обратился Клаус. – Завтра я хотел бы познакомиться с моими землями поближе, а также посетить Филсуотер.

– Я позабочусь об этом.

– Благодарю.

Священник вышел, и Клаус оглядел помещение. Просторная комната, окна которой выгодно выходили на площадь, была скромно обставлена – без излишеств и лоска. Возможно, если бы кого-то из его братьев поселили в подобное место, то они бы возмутились, но Клаус привык всё получать после них и обстановка его вполне устраивала.

Спустя недолгое время слуга принёс еду и питье, а также немного убрался в комнате. Подкрепившись, Клаус лег на жёсткую кровать и думал о завтрашнем дне, представляя, что Филсуотер будет не намного хуже нынешнего места пребывания. Но вскоре незаметно для себя заснул.

К утру вся деревня знала о прибытии нового господина. Зеваки столпились у ратуши и пытались взглядом поймать его в окне. К такому вниманию Клаус был слегка не подготовлен и нашёл это немного смущающим. Когда он выходил на улицу, все глядели на него и шли следом.

Чтобы осмотреть Стоунхардсвен и познакомиться с его жителями, понадобилось всего несколько часов, за которые ему немало пришлось услышать различного рода жалоб и просьб, которым не удосуживался уделить внимание вечно пьяный старшина. Слова жителей воодушевили Клауса,

настроили на скорейшую работу, ему хотелось облагородить жизни этих людей.

Один из них, старый сторбленный торговец, пожаловался на плохие дороги, связывающие деревню с ближайшими торговыми путями, сказал, что неплохо было бы наладить нормальное движение до Филсуотера, куда все жители частенько ездили навестить родичей. Последнее Клаусу не понравилось, так как именно туда он сейчас и собирался ехать.

На выходе из деревни его ждал помощник священника, мальчик-послушник с лошадыю.

– Мариус велел мне сопроводить вас до Филсуотера, – сказал он.

– А где он сам?

– Он на дневной службе и сказал, что будет молиться за успех вашей поездки.

– Что же, будем надеяться, мы добьемся этого успеха. Ладно, веди меня.

Филсуотер находился за три мили через покрытые густым чёрным лесом горные массивы, скрывавшие поселение от посторонних глаз. Дорога была узкой и кривой, а её поверхность сплошь состояла из бесчисленных следов на грязи от людей и домашнего скота.

Прибыв на место, Клаус понял, что предыдущее поселение по сравнению с этим дышит чистотой и цивилизованностью. Эта же деревня выглядела на двести лет старше и была с тем же налетом угнетенности и уныния, что и первая. Ка-

залось, деревня так и была построена – с серыми обветшалыми домами, поставленными прямо на болоте.

Но жители Филсуотера выглядели намного бодрее своих соседей и как будто не замечали окружающего. Встретить Клауса вышла вся деревня, и он с удивлением заметил среди жителей знакомое лицо, широко улыбавшееся ему.

Целитель Жозеф подошёл к Клаусу и помог слезть с коня:

– Добрый день. Не испачкайте сапоги.

– Не волнуйтесь, они не мои. Свои я уже привел в негодность и оставил на попечение местных чистильщиков. Что вы тут делаете? – спросил Клаус.

– Ваш отец в день вашего отъезда призвал меня к себе и направил в эти края, чтобы словом и делом помогать вам с новыми нелегкими обязанностями. Мы разминулись с вами буквально на несколько часов. Я как раз собирался ехать к вам в Стоунхардсвен, как вы сами почтили нас своим приездом.

– Да, надо ведь воочию увидеть место, где продолжит существование мой род, – Клаус огляделся вокруг.

– Будьте оптимистичны, ведь с этого дня вы полноправный властитель этих двух деревень. Что ж, прошу в трапезную. Мы приготовили чудесного кабана и подали к столу, – сказал Жозеф, указывая на большой деревянный дом с грязными окнами.

Войдя туда и сев на почетное место за длинным столом, Клаус на мгновение почувствовал себя собственным отцом –

в тот час, когда отец принимал у себя важных гостей.

Пока все поглощали нежное кабанье мясо, Клаус вел разговор с Жозефом о текущем положении дел в деревнях. Жозеф оказался осведомлен обо всем, что происходило в Стоунхардсвене и Филсуотере, и Клаус понял, что обрёл в его лице бесценного помощника.

После трапезы – к концу которой произошла небольшая драка за останки кабана и было выбито несколько зубов, – Клаус и Жозеф направились обратно в Стоунхардсвен, причём в сопровождении трех жалких латников, на которых настоял Жозеф, уверив, что местные разбойники не различают хозяев. Хотя Клаус и сомневался, что их телохранители смогли бы победить в бою даже старого хромого крестьянина, но делать нечего – новый статус требовал соблюдения правил. Дорога теперь казалась ему не столь угрюмой, сколь раньше, Клаус теперь здешние места находил даже живописными, делая поправку на их суровость.

Жозеф снял свой балахон, в котором ходил в замке, и теперь был одет в бежевую рубашку с подобранными рукавами и кожаный жилет. Пепельного цвета волосы он снова завязал в пучок сзади. Также он носил небольшую бородку и бакенбарды. Говорил он всегда учтиво и спокойным голосом, и Клаус думал о том, что это наверняка помогало Жозефу в работе, успокаивая кричащих от боли солдат. И непринужденная беседа с ним была некой разрядкой в пути.

Когда они приехали на место, многие уже ждали их – и,

видимо, достаточно долго. Как заметил Клаус, в основном это были девушки, надевшие свои лучшие платья, которых, как ни странно, на них не было в день его первого приезда.

– Похоже, что вас все-таки приняли здесь должным образом, – заметил Жозеф.

Клаус, чувствуя жуткую усталость, сказал:

– Да, но боюсь, у меня уже нет настроения, чтобы радоваться. И есть мне не хочется, так что, Жозеф, прошу, разберись со всем тут, – и Клаус направился к своему жилищу.

Но девушки не собирались его так быстро отпускать и проводили до самых дверей комнаты.

Вскоре Клаус свыкся с излишним вниманием, потому что подобные встречи и проводы происходили довольно часто. Месяц с начала приезда был небогат на события, всю часть работ по улучшению жизни в деревнях брали на себя Жозеф и Мариус. Они же и боролись с пьянством старшины, ничуть не изменившим образа жизни при новом хозяине.

Но этот роковой день поменял всё. Приехав в Стоунхардсвен, Жозеф распорядился незаметно отнести тело рыцаря в свой дом, где он принимал у себя больных. Жители с интересом смотрели на большую укутанную тканью вещь, которая лязгала при каждом усилии латников, когда те пытались тихо внести её в подвал дома.

Закрыв за ними дверь, целитель обратился к Клаусу:

– Милорд, уже темнеет. Вижу, вы устали, отдохните. Мы разберемся с телом, а после, утром, вышлем письмо ваше-

му отцу. Кто-то должен разобраться с тем, что здесь случилось, – Жозеф откланялся и последовал за латниками в подвал.

«Владыка...» – вдруг прошептал ветер.

– Что?.. – Клаус оглянулся, чтобы увидеть того, кто мог произнести это слово, но никого не было. Он немного постоял на улице, ощущая на себе удивленные взгляды жителей, и решил последовать совету Жозефа. В ратуше среди прислуги уже ходили разговоры об их позднем возвращении. И разговоры не смолкали вплоть до того, как Клаус вошёл в свою комнату. Он лёг на кровать, пытаясь собраться с мыслями, но поняв, что голоса ему покоя не дадут, встал и вытащил футляр из кармана плаща.

В тёмной комнате футляр искрился золотистым блеском, в отражении которого Клаус видел себя. И на мгновение ему показалось, что он заметил также чье-то другое лицо, смотревшее на него с не меньшим вниманием. Клаус отпрянул и выронил футляр. Тот упал, но не подпрыгнул, как того ожидалось, а лишь стукнул со звоном об пол и неподвижно замер.

«Очень странно...» – подумал Клаус, и вспомнил, как тот раненный рыцарь упоминал о срочности, о том, что нужно быстро доставить письмо лорду Грандсмару. Значит, если он найдет адресата на северной границе, то сможет разобраться что к чему. Хотя, возможно, это является ловушкой, ведь не просто так рыцарь был ранен. И те, кто сотворил с ним та-

кое, вполне могли понять, что рыцарь был не жилец, что далеко уйти не мог, что футляр кто-то мог прибрать к рукам...

И тут до Клауса дошло, что ведь именно на его землях это всё случилось и те убийцы, вероятнее всего, теперь направляются сюда, в его поместье. Похоже, скучные и размеренные дни уходили прочь с невероятной скоростью...

«Интересно, – думал Клаус, – а не дают ли, случаем, в ордене за возвращение утраченных ценных вещей звание магистра?..»

Глава 2. Юг

*Замок Стронгхолл. Королевство Гатиан.
За неделю до.*

В саду этим утром было необычайно тихо. Особенно – в той части, где Алерта расположилась на любимом месте – в глубине неухоженных кустов, на которых только-только расцветали цветы. Мраморная скамья поначалу казалась холодной, но прошло совсем немного времени – и Алерта уже забыла об этом. Однако сам сад не казался ей таким уютным и привлекательным, каким был раньше. В детстве она всегда любила играть здесь со своей подругой, любила прятаться от отца и служанок. Теперь не было ни подруги, ни отца. Разве что служанки остались, но постарели и бежать за ней сил у них больше не оставалось. Алерта всегда отождествляла себя со Стронгхоллом – её фамильным домом и этим садом, разбитым по желанию матери. Мать тогда только вышла замуж за отца и с жалостью заметила, что первый поцелуй Алерты с любимым мужчиной и дальнейшая свадьба не пройдут здесь. Судьба порой бывает так не благосклонна к девочкам. Особенно к таким, как Алерта Стронгхар, которая отнюдь не была глупой девицей, какими казались многие её сверстницы, о чем ей всегда твердила бабушка, леди Вилена Вордхад.

– Женщины в нашем роду всегда славились своим умом и находчивостью, кои часто не обитают в головах мужчин. Твой отец из того же числа и не смог уберечь мою дочь. Я стара, потому имею право винить его в этом, но ты должна любить его и заботиться о нём, ибо, как правило, именно такие дураки умирают куда раньше нас.

«Что же, бабушка, я не справилась с этой задачей», – думала Алерта, поправляя складки на своём любимом платье. Оно было пурпурным, с красивыми кружевными белыми линиями.

Алерту знали во всей округе благодаря внешности, доставшейся по материнской линии. Гладкая белая кожа, ярко-красные длинные, с золотистым блеском, волосы, миловидное лицо и выразительные зелёные глаза. Многие заезжие певцы и менестрели сочиняли свои песни в её честь, восхваляя красоту и грацию девушки, а многие благородные леди, включая её бабушку, хвалили женственную статью и фигуру. В свои шестнадцать с небольшим лет Алерта Стронгхар уже представляла собой идеал будущей супруги для любого лорда или рыцаря, а то и самого короля. Хотя сама она не думала о себе подобным образом.

«Девушка как девушка, как и все остальные...»

Она больше восхищалась своей давней подругой, Сильвией Квирхант, той самой, что частенько гостила в Стронгхолле, играя с Алертой дни напролёт.

«Интересно, остался ли в ней тот задор, который отличал

Сильвию от всех других девушек...»

Сильвия была старше Алерты на три года, но отношения между ними были равные, их секреты и переживания всегда оставались общими.

Недавно Алерта узнала, что её подруга детства покинула свой дом, оставив замок и семейные владения младшему брату Норгерту. Алерта посылала письма в Квирнстаун, пытаясь узнать, что случилось с Сильвией, но юный лорд Норгерт и сам знал немного.

Раньше, до Великой Северной войны (как её окрестили на юге Варнаара), отцы Алерты и Сильвии, лорды Арберт Стронгхар и Вольф Квирхант, были закадычными друзьями. Земли их граничили, и лорды частенько навещались друг к другу вместе с жёнами и детьми. Но жестокие северяне с холодных пустошей Арзакии решили наконец завоевать другие королевства и присоединить их к себе. Хотя Гатиан и не подвергся прямому нападению, но помочь союзникам было делом чести, и поэтому король Фангорт II из династии Голдхэдов созвал свои знамёна и повел их на Север. Многие лорды и рыцари откликнулись на зов – в жажде славы и богатой наживы. Отец Алерты не был исключением. Взяв с собой лучших рыцарей и всех боеспособных солдат, лорд Арберт двинулся в поход, из которого ему не суждено было вернуться, впрочем – как и лорду Вольфу. Фамильные доспехи и меч были утрачены вместе с лордом Арбертом, позже их искал младший брат отца, сир Вергерт, с недавних вре-

мён объявивший себя законным лордом Стронгхолла. Причём сделал это в обход Алерты.

В саду послышались быстрые шаги, и через мгновение перед Алертой появился Агер, юный посыльный с курчавыми рыжими волосами и веснушками по всему лицу.

– Миледи, прошу простить меня. Сир... то есть лорд Вергерт велит вам явиться к нему в приемную для гостей.

– И зачем же?

– К сожалению, мне неизвестно, миледи.

– Хорошо, передай ему, что я скоро подойду.

– Слушаюсь.

Агер откланялся и ушёл, Алерте же оставалось лишь повиноваться воле дяди и направиться в замок.

Оглядывая старый замок, Алерта видела, что Стронгхолл тосковал по своему хозяину. Замокская прислуга мрачно выполняла домашние работы, стражники, прежде всегда бодро и с достоинством нёсшие свой пост, казались грустными и уставшими. Прошло почти два года, а все обитатели замка до сих пор несли траур. Все, кроме Вергерта Стронгхара.

Младший брат покойного лорда сначала тоже был невесел и пытался поскорее, как он сам выразился, «исправить ошибки брата». Безуспешные поиски фамильного меча и доспехов не принесли никаких результатов, что очень злило нового лорда Стронгхолла, считавшего, что наследие дома может быть из-за этого утеряно.

В этом был большой намёк на то, что женщина во главе

столь богатой и известной семьи, хоть и законная наследница, принесет ещё большее горе, нежели отсутствие фамильных реликвий.

Алерта постучалась в дверь отцовской комнаты. Дверь открыл Кадберт, её кузен и сын Вергерта.

– Племянница, – коротко поприветствовал новый лорд, сидя за отцовским столом на любимом отцовском кресле.

«Он никогда не зовет меня по имени...»

– Дядя, – с той же интонацией процедила Алерта, слегка наклонив голову.

– «Милорд». Пора бы уже привыкнуть. У нас с тобой уже был разговор на эту тему, так что будь добра, веди себя надлежащим образом, – проворчал дядя. Он выглядел уже старше, чем отец Алерты в его годы, заметно поправился, а на его голове появились залысины. Служа старшему брату капитаном личной стражи, он всегда был подтянутым и резво орудовал мечом, но сейчас он казался всего лишь тенью бывшего себя, перестал много двигаться и посвящал всё своё время делам в рабочей комнате.

– Вы что-то хотели, «милорд»? – с нажимом на последнее слово, спросила Алерта. Стоять вот так, посередине комнаты, как на допросе, ей было неприятно. Она помнила, как всегда с шумом и грохотом вбегала к отцу, разбрасывала по полу игрушки, залезала под стол и снимала ботинки с отца, когда он был увлечен беседой с гостями или внимательно изучал письма.

– Да, поэтому и вызвал, – «лорд» Вергерт сощурил глаза. – Я все никак не могу решить один важный вопрос. Дел очень много, а после смерти твоего отца у нас сократились работники и заметно уменьшились доходы.

– Это как-то связано со мной?

– Нет. Но у меня появилась идея, как бы ты могла помочь своей семье и наладить, наконец, свою личную жизнь. Я говорю о замужестве, – на этих словах дядя слегка наклонился вперед и облокотился о стол.

Алерта была потрясена:

– Ты хочешь выдать меня замуж?.. Не спросив моего согласия?.. – она знала, что этот день когда-нибудь настанет, но не ожидала, что так скоро.

– Да и я спрашиваю сейчас. Выбор у тебя большой. Многие знатные женихи королевства желают быть твоими мужьями, хотят породниться с нашей семьей. Тем более, Вордхарды со стороны твоей матери приходятся родичами королевской семье, – дядя снова откинулся на кресло. – Давно пора использовать этот шанс.

– И кто же решил, что достоин моей руки?

– Их достаточно. Более двух десятков. Не спорю, есть среди них и те, что годятся тебе в отцы, но, замечу, все они богаты и происходят из древних гатианских семей. Ты будешь вольна сама выбрать себе мужа, коего посчитаешь «достойным». Бедных и не заслуживающих внимания я отсеял, – Вергерт указал на стол, заваленный вскрытыми письмами,

на которых стояли разные по виду печати благородных домов.

Алерта заметила среди печатей и одну знакомую, с гербом дома Квирхантов.

«Значит, юный Норгерт тоже решил принять участие в соревновании...»

– Ну? Так что ты скажешь? – нахмурил брови дядя. – Ответ нужно дать как можно скорее.

– Пожалуй, я откажусь от всех.

– Что?! Хватит валять дурака! Ты уже взрослая женщина и должна нести ответственность, как несут её все зрелые люди! Я не намерен кормить и содержать тебя всё время, пока ты не решишь, что наконец готова к замужеству! – лорд Вергерт поднялся. – Ты дашь ответ! Сегодня! Иначе будешь сожалеть о своих словах всю оставшуюся жизнь!

– Почему ты просто не можешь оставить меня в покое?! – повысила голос Алерта, чего ранее никогда не делала в разговорах с дядей.

– Не смей так со мной говорить! Я был добр к тебе, но терпение моё на исходе. Если и дальше будешь артачиться, я и вправду дам отказ всем женихам! – лицо дяди покраснело. – И ты выйдешь за Кадберта!

Кузен, все это время стоявший рядом с дверью, от удивления вытаращил глаза.

– Что? Но... отец... о чём ты?.. – ошарашено проговорил Кадберт. Он во многом был похож на самого лорда Вергерта,

своего отца, и напоминал его в молодости, правда, был выше и плечи его были не такими широкими.

– Да! Так и будет! – подтвердил сказанное Вергерт и указал на Алерту. – А ты! Чтобы не разочаровать меня, перестань жить прошлым! И начни уже думать о семье! Если не хочешь, чтобы имя твоего отца исчезло вместе с ним!

На мгновение все замолчали.

Алерта тихо проговорила:

– Я могу быть свободна? – её голос дрожал.

– Пока да. Обдумай всё сказанное. Вечером ты дашь мне точный ответ. Иди! – дядя махнул рукой и сел в кресло.

Алерта откланялась и быстро вышла, едва сдерживая слезы. Она двигалась будто в забытьи и не заметила Агера – посыльного. Он шагнул к ней и что-то пытался сказать, но она ничего не слышала, задумчиво направившись в свои покои.

С яростью захлопнув за собой дверь, она села на угол кровати и закрыла лицо руками. Алерта пыталась заплакать, но внезапный стук в дверь привел её в чувство. Со страхом она приоткрыла дверь и увидела, что пришёл Агер.

– Прошу прощения за беспокойство. Но я хотел передать вам письмо. Оно прибыло, когда вы были у милорда.

На конверте стояла печать дома Квирхант.

«Неужто Норгерту так нейдет стать моим мужем?..»

– Спасибо... Можешь идти... – Алерта попыталась произнести это с уверенностью в голосе, но молодой слуга легко распознал её притворство.

– Вы плачете, миледи? Мне принести вам обед?

– Нет, я не голодна... Не беспокойся... – Алерта закрыла дверь, оставив Агера снаружи, и достала нож для резки бумаги. Вскрыв печать, она начала быстро читать письмо. А потом, не поверив своему счастью, перечитала его ещё несколько раз.

Открыв дверь, она заметила, что Агер никуда не ушел и сидел в коридоре на ступеньках, ведущих на крышу.

«Это и к лучшему!»

– Агер! Подойди сюда, быстрее, – Алерта с волнением сунула конверт Агеру в руку. – Отнеси это в Квирнстаун как можно скорее и передай, что всё будет вечером. Затем возвращайся обратно и на все вопросы дяди отвечай, что ты ничего не знал. Ты меня понял?

– Да... миледи... – с неуверенностью ответил Агер. – Что-нибудь ещё?

– Нет, боюсь, что больше мне нечего будет тебе сказать, – с грустной улыбкой сказала Алерта. – А теперь спешите! И проследи, чтобы тебя никто не заметил!

– Хорошо, миледи. Я вернусь как можно скорее, – Агер побежал по коридору и спустился по лестнице.

«Прости меня, – подумала Алерта, смотря вслед Агеру. – Дядя будет в ярости, и обрушит её на тебя в первую очередь... Надеюсь, с тобой все будет хорошо...»

Глава 3. Восток

Царство Шань-Мин. За неделю до.

Резня продолжалась больше часа, пока всё поле рядом с деревней не было усеяно телами мятежников. Кровь текла рекой, крики раненых оглушали и резали уши, а над полем битвы начало кружить вороньё. В этот день сухая холмистая местность, ещё вчера служившая местным жителям единственным источником пропитания, приняла на себя всю ярость противостояния и походила теперь на неестественное кроваво-красное полотно, утыканное чёрными силуэтами людей.

Холодное утро сменил жаркий полдень, или же Алаю так казалось после непрерывного сражения. Ему хотелось пить и искупаться, смыв с себя кровь и ошмётки, но больше всего принц нуждался в девушке. И желательно из тех, чьих родицей он сегодня рубил. Эта мысль позабавила его и подогрела жажду. Его люди добивали выживших, рыская между тел в поисках вопящих глоток. Бой был весьма затяжным, и солдатам пришлось использовать все резервы, чтобы отбросить врагов к полю. Солнце нещадно пекло, и победители поспешили укрыться в тени от жилищ мятежников.

Эта была последняя остановка «Похода Правосудия» по северным провинциям, обуянным волнениями и восста-

ниями, и теперь путь лежал обратно.

«Домой, в столицу!...»

Год прошёл слишком быстро и незаметно, а воспоминания о жизни во дворце всё ещё оставались тёплыми – как бы Алай ни пытался их забыть. Бросив окровавленный меч слуге, он направился в свой большой шатер, окрашенный в царские цвета – красный и золотой на черном фоне. Жить, как живут неотесанные солдаты в грязных крестьянских глиняных домах, он не желал. Мирная жизнь или военное время – это не играло роли: удобства для него всегда были на первом месте. И как только он вошёл в шатер, слуги тут же раздели его, сняв тяжёлый кожаный доспех с железными пластинами, наручи, наколенники и сапоги. Горячая ванна ждала его, медленно пуская в воздух вьющийся пар, а от благовоний приятно щипало в носу. Войдя в неё, Алай распорядился привести к нему девку – и чтобы она была посмазливее.

«Как-никак, вкус победы требует своё!»

Спустя время, после ещё одной телесной работы, он уже лежал в просторной кровати, украшенной золотыми драконами, а рядом дрожала в поту дочь кузнеца, ковавшего мятежникам мечи. Всхлипывания девушки начали порядком раздражать, и Алай приказал ей убраться. Та немедля вскочила с кровати и нагишом, какой её и привели, не оглядываясь выбежала из шатра.

«Была бы она такой прыткой раньше, не пришлось бы мне так стараться...»

Снаружи послышались шаги. Принц подумал, что девка свихнулась, вернулась и приоткрыла занавес. Но нет, это был Шэньси, его правая рука и командир передового отряда. Старше Алая на три года, двадцатидвухлетний воин всегда выглядел бесстрастным и немногословным, без раздумий выполняя приказы.

– Ваше Высочество, прибыли гости. Они созывают совет и просят вашего присутствия, – отчитался он.

– Я устал. Совет может и подождать, – сказал Алай, протирая лоб шелковым платком.

– Они не могут. Пока вы были... заняты, генералы собрались в Главном шатре и ждали, когда вы закончите, – без эмоций ответил Шэньси.

– Почему ты сразу мне об этом не сказал? – это известие слегка разозлило Алая, ведь главный шатер, в котором проходили важные совещания и обсуждения военных тактик, примыкал вплотную к его собственному. А значит, они слышали всё, чем он занимался с той девкой. Раз уж теперь его ничто не спасёт, Алай в чём был направился к собравшимся.

Опытные командующие, генералы и князья северных провинций дружно посмотрели на него, и некоторые из них явно были смущены столь необычным выходом. Прощеголяв нагишом к своему месту в центре длинного стола, Алай наконец принял шелковый плащ из рук Шэньси и сел. За столом стояла полная тишина, которую прервал Юнгао, князь Юнданя, генерал и Хранитель Северных Границ.

– Мы рады видеть вас, принц Алай, и впечатлены вашими победами, – вскинул бровь князь, – но мы проделали долгий путь в эту деревню и ждали более достойного приёма...

– Тогда глубочайше прошу простить меня, если каким-то образом вас оскорбил. Всё утро мы провели проливая кровь бунтовщиков, по этой причине, к сожалению, я не мог знать о прибытии столь важных особ. Мои люди будут наказаны за то, что не сумели своевременно меня предупредить.

«Чёртовы олухи, куда вы смотрели в это время?!» – металось в голове Алая.

– В этом нет нужды. Мы прибыли внезапно и также быстро уедем, – заверил князь.

– Да? Что же вам тогда нужно от меня? – беря кубок с вином, спросил Алай.

– Как Хранитель Северных границ царства Шань-Мин, хочу официально поблагодарить вас за содействие в подавлении крестьянских мятежей в провинциях Гаоду, Бяокай и Сингинь. Ваш тяжёлый поход окончен, и теперь вы можете вернуться в столицу Мингун, как того желает наш Великий шаньюй Чжан из рода Модэ, да светится Его Величество. Всё остальное уже остаётся за нами. Ваше Высочество может покинуть нас прямо сегодня, а наши люди помогут с приготовлениями и дадут необходимую провизию для дороги.

– Вы все предусмотрели, отдаю вам должное. Но мне кажется, вы в чём-то ошиблись, – Алай медленно поставил кубок на стол.

– Ошибся?

– Да, ошиблись. Я не «содействовал» вам в подавлении мятежей, как вы выразились, а расправлялся с бунтовщиками сам, один. Мои шамкани выслеживали логова и дозорные пункты разведчиков, убивая их во сне, пока те не предупредили остальных. А передовой отряд сминал под собой основные силы. Я лично убил некоторых из их лидеров и помню, как они смотрели на меня перед смертью. В глазах их читался лишь страх. Страх, который им не смогли внушить вы. Целый год я гонялся за ними в этих холодных горах и сам начал мыслить, как они. Это помогло мне, и дело пошло быстрее. Эта деревня одна из последних, что укрыла у себя остатки восставшего войска. И всё утро я провел кроша черепа и сжигая тела, пока они корчились и молили о пощаде. И что же я вижу теперь перед собой? Благородные мужи, не способные совладать с вверенными им землями, дружененько собрались здесь и решили выдворить меня, как ненужную шавку, прикарманив мои заслуги себе... Ах да! Я ведь «посодействовал», так что вы всё же должны указать имя вашего «помощника» в письме моему дяде. Хоть снизу припишите, я прошу вас...

– Ваше Высочество, вы неверно истолковываете мои слова. Мы искренне вам благодарны и нисколько не умаляем ваших заслуг. Вы уже долгое время провели вдали от дома, постоянно путешествуя в походном шатре, а это, как мне известно, сильно выматывает. Оставшихся недобитков мы

скоро вычислим и справедливо накажем, но вам следует как можно быстрее вернуться домой. Это просили передать лично вам в руки, – с этими словами князь Юнгао протянул к нему свиток.

Развернув его, Алай увидел, что это был официальный указ шаньюя о присуждении Алаю титула «Дракона Огня», а также выражения других почестей. Внизу были приложены царская печать и подпись. Но к свитку было ещё прикреплено маленькое письмо из хлопчатой бумаги.

«Мама...» – подумал Алай.

Она писала кратко и говорила, что соскучилась по нему и давно не получала вестей.

«Сын мой, я горда, что ты так рьяно борешься за безопасность на северных границах, и в то же время обеспокоена тем, что это занимает столь долгое время. Я не отговаривала тебя, когда ты решил поехать на Север, так как знала, каким упрямым ты бываешь иногда. Но теперь я поняла, что была не права и как ты мне на самом деле дорог. Будь хорошим мальчиком и возвращайся домой, я жду тебя и каждый день молюсь о том часе, когда ты снова, прячась в саду, будешь выкрикивать моё имя, чтобы я нашла тебя. И, как всегда, загадка для моего маленького дракона: кто держит путь на запад, но приходит на восток?»

На лице Алая появилась улыбка, когда он это прочитал. Мать всё ещё прилагает загадки к своим письмам, чтобы он, отгадав их, приехал к ней и назвал правильный ответ.

– Так что же, мой принц, вы согласны ехать? – спросил Юнгао, теряя терпение.

Алай посмотрел на него, представляя, как здорово было бы открутить ему голову и бросить в выгребную яму, но письмо матери сразу же развеяло эти мысли.

– Да, отправляюсь немедленно. Благодарю за послание, можете быть свободны. Ну или сидите, совещайтесь или что вы там задумали, – улыбнувшись всем, Алай быстро направился к себе, попутно сбросив на стол плащ, от которого несколько генералов шарахнулись.

Всё ещё сжимая в руке свиток, Алай Модэ, сын принцессы Фань, старшей сестры правящего шаньюя Чжана, оделся в удобную походную одежду из лучших шаньских шелков. Свиток он завернул в ткань и положил за свой красный пояс с золотыми монетами, на которых были изображены маленькие свернувшиеся драконы. Слуги сновали вокруг и собирали все его вещи и трофеи, добытые за этот год. Кровать он решил оставить и подарить князю Юнгао. Не из лучших чувств, а просто потому, что хотел бы увидеть лицо Юнгао, когда ему это всё передадут.

В это время в шатер вошли его самые доверенные люди: Шэньси – командир передового отряда с грустным скупающим видом, уверенно и с достоинством командовавший солдатами в сложных обстоятельствах, Цайфэнь – командир разведчиков, высокий и мускулистый, с бритой головой и хмылкой, не сходящей с лица, Дзаокай – наставник Алая

по изучению техник Чистой Ладони, магического искусства, которое могли использовать лишь немногие жители царства. Шэньси был одет в полный доспех со шлемом, на Цайфэне была латная безрукавка и тяжёлые железные наручи. А Дзаокай был в том же, в чём и всегда – одеяние мастера-практика Чистой Ладони Огня, из красной ткани с жёлтыми огненными вставками. Ему было уже сорок семь, но он ещё не потерял свою прыть и легко побеждал Алая на тренировках.

Мастер Дзаокай спросил:

– Что сказали князя? Шэньси рассказал нам, что было, но я хочу услышать это из твоих уст.

Цайфэнь, сложив руки на груди, добавил:

– Мы снимаемся? Даже толком не отпраздновав победу над мятежниками?

Алай, наливая вино в кубок, ответил:

– Наш шаньюй, мой дядя, оказал мне честь, даровав титул Дракона Огня, и попросил вернуться во дворец. Князь Юнгао заверил, что оставшихся мятежников возьмёт на себя. Наша миссия окончена, больше здесь делать нечего. А отпраздновать можно и в дороге.

Цайфэнь внимательно следил за Алаем, пока тот шёл к сидению с подушками:

– Что тебя убедило? Я уверен, что ты плевать хотел на своего дядю и на Юнгао.

– Это так. Но все же, как, ни крути, дядя дорог мне, как и все вы. Насчёт князя ты прав, мне он с самого начала

не нравился. Но приходилось играть роль хорошего принца, не то и эти старые дрожащие ослы решатся пойти против шаньюя. Власть его, к сожалению, дает трещину, и кому, как не нам, её латать?

Цайфэнь опустил руки:

– Ты уходишь от ответа. На тебя это совсем не похоже – вот так внезапно взять и уехать домой. Мы год провели, слонаясь по этим горам. И ты ни на что не жаловался. Объясни, что случилось?

– С какой стати мне перед вами отчитываться?! Разве дракон объясняет овцам, почему он съел одну из них? Мы едем в Мингун и точка. Подготовьте всё к отъезду и накормите лошадей!

– Алай, мы всего лишь... – начал было Цайфэнь.

– Я всё сказал! А теперь вон. У вас ещё много дел!

«Не хватало мне тех дураков за столом, так ещё и эти решились устроить допрос...»

Помощники откланялись и вышли из шатра. Стало тихо, и слышались лишь голоса суетившихся солдат да ржание лошадей. Осушив кубок, Алай удобнее развалился на сидении и вздремнул.

Мать выглядела такой же, какой он видел её в последний раз, она стояла в саду, где любил играть когда-то Алай, и читала письмо. Дочитав до конца, она бросила его на землю, а по её щекам побежали слезы. «Почему ты плачешь?» – хотел он спросить её, но мать исчезла во тьме. Темно, ничего

не видно. Белые точки падали сверху, окрашивая темноту в белый свет. Но от света не стало лучше, он слепил глаза. Было холодно, и каждая снежинка, падая на него, заставляла содрогаться всем телом. Ветер свистел и поднимал вихрь, грозя унести с собой Алая. «Нужно согреть себя, – появилась у него мысль. – Так, как учил Дзаокай».

Сосредоточиться и представить, что твои руки есть пламя.
«Быть единым с огнём...»

Он посмотрел на свои руки, но они были чёрными, словно их погрузили в копоть. Присмотревшись, Алай увидел, что они черны от холода. Он попытался пошевелить пальцами, но те не слушались и через секунду рассыпались, словно лёд. Алай закричал, но голоса своего не услышал. Белая мгла поглощала его, забивалась в рот и проникала глубже, сжигая нутро ледяным пламенем...

Вдруг из пустоты донёсся чей-то голос:

– Мой принц, всё готово. Велите разобрать ваш шатер?

Алай вытер слюну со щеки и встал с сидения:

– Да, начинайте. И вели принести мне поесть...

Когда Алай вышел наружу, солнце уже клонилось к закату. Личная армия из трех сотен пеших солдат, пятидесяти конных, тридцати шамканей, семидесяти лучников и десяти практиков Чистой Ладони стояла вокруг Алая и ждала команды. Потери за год были едва ощутимыми, и Алаю казалось, что никто из погибших так и не умер в тех многочисленных сражениях. Все их лица были знакомыми, и те, что

погибли, быстро забылись. Он сам настоял на небольшом отряде, которым было бы легче управлять. Мятежники любили убегать и прятаться в горах, считая, что большие армии не станут за ними идти. Но «красные дьяволы», как их называли местные, не останавливались и неустанно шли по следу, настигая своих жертв. Пленных не брали, а тела сбрасывали со скал вниз, в ущелья. Солдаты его сражались яростнее, чем другие, лучники стреляли дальше и метче, шамкани наводили страх, могли взять след любого противника и убить того, пока он спал. А мастера Чистой Ладони устрашали невиданными чудесами, швыряли из рук огненные снаряды, металы камни, вздымали ветер, заставляя ручьи нестись и топить селения, и становились прочнее железа – так, что ни одна стрела или меч не могли пробить их кожу.

Сам Алай лишь осваивал азы Чистой Ладони Огня и немного Металла. Дзаокай дни напролет заставлял его есть и, стоя в нелепых позах, пытаться вызвать огонь из рук. На его взгляд, это были простейшие уроки, но Алаю так не казалось. Ничего труднее этого не было. Дзаокай твердил, что лишь на полный желудок можно применять магические техники, так как они за овладение стихиями требовали свою цену. Когда практик использовал Огонь или Воду, тело сжигало всю потребленную еду, истощаясь. Мало кому удавалось, говорил Дзаокай, стать единым со стихией на пустой желудок. Ещё в школе, много лет назад, Алай вместе с детьми князей изучал техники. Дзаокай был мудрым и рас-

судительным учителем, терпеливым, покладистым, но иногда менялся, превращаясь в грозного человека, способного сжечь любого за долю секунды. Узнав на первом занятии, что нужно больше есть перед уроком, Циань, толстый сын одного из вельмож, съел почти всё, что находилось на кухне, даже засушенные жабры иглохвоста. На второй день учитель рассказывал о важности концентрации, где нужно было изо всех сил напрячься и представить себе бурный поток энергии, текущей через тело и выходящий из рук. Циань был предельно сосредоточен и напрягся так сильно, пытаясь вызвать фонтаны воды из рук, что незаметно для себя навалил в штаны. Теперь этот толстяк заменил своего покойного отца и заседает в совете Шаньюя.

Алай с гордостью оглядел свою небольшую армию, и произнёс:

– Итак, мои верные воины! Мы неплохо потрудились за это время и заставили этих горных крыс бежать без оглядки.

Послышался дружный смех.

– Сейчас же я должен вернуться обратно, и вы будете сопровождать меня до дворца. Но не расслабляйтесь! Путь не близкий, и кто знает, что ещё эти сволочи подготовили для нас. А теперь – по коням!

Алай крикнул, и войско пришло в движение.

Слуга, спотыкаясь, подбежал к Алаю и поставил перед ним складной стол со стулом, а другой слуга уже тащил

на подносе горячие блюда. Сев за стол, Алай наблюдал, как воины неспешно покидают деревню.

«Люблю смотреть, как они маршируют», – подумал он и втянул губами лапшу.

Глава 4. Север

Королевство Арзакия. За неделю до.

Холодный ветер дул с севера, и по заснеженным горам то и дело кружились неугомонные вихри. Кантасу не было холодно, и весенний снег лишь таял, падая на обнаженное до пояса тело. Его серебристо-белые волосы и чистая кожа не уступали снегу в белизне, и, возможно, Кантас затерялся бы на этой горной вершине, если бы не его чёрные кожаные штаны и бурые сапоги. Он неподвижно сидел на коленях и терпеливо смотрел на открытую заснеженную лужайку посреди леса, куда обычно приходили по утрам несколько мерлонгов – больших северных оленей с массивными заостренными чёрными рогами. Их белая с голубыми пятнами шкура помогала прятаться от многих хищников, обитавших в этом лесу. Кантас закрыл глаза и ровно, со спокойствием дышал, наполняя грудь холодным северным воздухом. Прошло уже два часа, но об усталости или обморожении не было и речи. Кантас всего-навсего ничего не ощущал и просто наслаждался тишиной, чувствуя, что таких мгновений может в дальнейшем и не оказаться.

До ушей донеслись осторожные, почти неслышимые шаги. Кантас открыл свои яркие, голубые глаза и медленно, не издавая ни звука натянул тетиву длинного лука с од-

ной-единственной стрелой.

В тени деревьев показались рога, послышалось мирное сопение животного.

«Самец...»

Солнце выбралось из-за туч и осветило лужайку, особенно предательски задержавшись на той части, где сидел Кантас. Мерлонг дернулся. Кантас отпустил тетиву.

«Славный выстрел!...»

Послышались крики слуги:

– Молодой господин! Кантас! Надеюсь, у вас была удачная охота!

Выйдя из леса, Кантас подошёл к слугам, уже ждавшим его на возвышенности, рядом с замком, и сбросил тело оленя к их ногам:

– Разделить и подать на ужин. Со шкурой пусть разбирается Наргас, – Кантас вытер с плеча тряпкой кровь мерлонга. После вынул стрелу, пронзившую оленя, и прошёлся до широкого толстого пня, из которого торчал целый лес из стрел.

«Сто тридцать шесть», – посчитал Кантас и воткнул новую стрелу рядом с остальными.

– Господин! Подошёл Прегос, говорит, что вам нужно вернуться в Твердыню! – сказал один из слуг, указав на подошедшего замкового смотрителя, немого, но изъяснявшегося вполне понятно.

Пока слуги помогали Кантасу одеться, немой Прегос уже успел уйти и находился далеко внизу, быстро направляясь

к воротам. Крутой склон имел каменные ступени, по которым идти нужно было с большой осторожностью – иначе возникал риск оказаться на земле с переломанной шеей. Всё же решив пробежаться, Кантас вмиг догнал слугу, который очень удивился столь внезапному спуску господина.

В замке уже с утра было очень шумно, люди сновали в разные стороны, торопясь так, словно их собирались атаковать. Во дворе гама было не меньше, и Твердыня Солнца, южная резиденция королей Арзакии, казалась сейчас муравейником. Прекрасный белый замок с огромной центральной башней, покрытой золотом, гордо стоял посреди острых горных массивов. Над башней высился золотой круг, в котором располагался наблюдательный пункт. Белые крепостные стены были построены из лучших камней, каменотесы, поставившие их двести лет назад и славившиеся непревзойденным мастерством, вырезали тонкие острые шпили, выглядевшие как лучи Солнца. Ворота – из чистого серебра, в восемь метров высотой – казались вечными и были украшены изображением лика бога Арзара. Внутри стен располагались дома для прислуг, конюшни, оружейная, казарма, торговые лавки, склады с припасами и небольшой сад, в котором отдыхала раньше королева.

Впервые приехав сюда, Кантас Астарин, королевский ба-стард, поразился великолепию этого замка и светлому убранству, словно это был замок из южных королевств. И приём, оказанный ему по прибытии, оказался более теплым, чем он

ожидал.

Королева Анрит Арзарин, вдова короля Мефироса, приходилась Кантасу тетей и была известна тем, что на дух не переносила незаконных детей своего мужа, поэтому и уехала много лет назад из столицы, забрав с собой единственную дочь. Король славился своим поведением по всему Варна-ару и, кроме своих пятерых законных детей, имел не менее двадцати бастардов, рождённых от разных женщин. Мать же Кантаса – леди Кания Астарин, сестра королевы – считалась в народе одной из главных фавориток, так как она единственная, в отличие от других любовниц, родила королю троих детей. Бастарды короля вместе с матерями подверглись опале со стороны королевы Анрит, чего, к счастью, избежала её сестра Кания. В юности королева с сестрой были очень дружны, и эта связь не оборвалась даже после того, как были раскрыты отношения Мефироса и Кании. После смерти матери и после войны Кантасу, находившемуся в это время в Снежном Городе, вотчине его дяди – лорда Ларгаса Астарина, – пришло письмо с приглашением посетить Твердыню Солнца вместе с младшей сестрой и братом, которым было восемь и пять лет. В то время королева была ещё вполне здорова и могла самостоятельно передвигаться. Она говорила, что рада видеть их у себя, и поцеловала всех в щёки. Её дочь, принцесса Валери, которой было семнадцать, показала себя хорошей хозяйкой и провела гостей по всему замку, не забывая рассказывать о его древней истории. Кантас, очарован-

ный красотой Валери и её манерами, уже не захотел расставаться с этим местом и лишь изредка покидал замок, когда того требовали обстоятельства. Да и младшим здесь очень нравилось – они дни напролёт играли в саду. Иногда королева приходила к ним и с улыбкой наблюдала за их играми, сидя на мягком деревянном кресле с высокой спинкой.

Кантас, дав знак стражнику на воротах, прошёл во двор и решил переодеться. Он направился в свою комнату, минуя парадные колонны, у которых слуги торопились по своим делам. Узнав у слуги, проходившего рядом, о том, что происходит и из-за чего весь шум, Кантас решил поторопиться: в замок прибывал королевский наместник, лорд Морзос Валиан. Зная, что не минует с ним разговора, Кантас вошёл к себе и, немного повозившись перед зеркалом, надел вполне приличный костюм. Белую рубашку, а поверх – серебряный дублет с узорами, чёрный плащ, отороченный соболиным мехом, белые штаны и сапоги из чёрной кожи. Белые с серебряным отливом волосы он носил длинными. Многие говорили, что он очень красив и напоминает бога Арзара, чьи изваяния стояли по всему королевству. Проходя по замку или гуляя верхом по ближайшей деревне, он всегда ловил восхищенные взгляды девушек, а порой и мужчин. Но Кантаса не интересовало это, он считал, что судьба подготовила ему куда большую роль, чем быть объектом чьих-то желаний.

Как и все северяне, он был высок, худ и хорошо сложен. А с оружием обращался не хуже своего кузена Вардаса.

Приведя себя в порядок, он решил выйти во двор, где, как он подумал, готовились встречать лорда Морзоса. Но как только он вышел в коридор, послышались трубы, возвещавшие о прибытии наместника.

Когда Кантас хотел присоединиться к встречающим, у главных ворот стоял лишь кортеж лорда Морзоса. Тот заметно торопился и уже направлялся с кастеляном замка и принцессой Валери к королеве Анрит. Кантас пошёл следом за ними и, шагая по винтовой лестнице, ведущей в спальню королевы, слышал, как они далеко наверху звонко стучали по ступеням.

Поднявшись, Кантас поколебался, открывать дверь спальни или нет, потому что боялся помешать разговору, который уже шёл. Но спустя несколько минут, услышав своё имя, Кантас решил постучаться.

– Войдите! – раздался голос принцессы.

Кантас, закрывая за собой дверь, сказал:

– Прошу прощения, я узнал, что лорд-наместник прибыл в замок, и подумал, что буду чем-то полезен.

У большой белой кровати стояли принцесса, державшая руку королевы, которая выглядела ещё слабее прежнего, лорд Морзос и Наргас Кразиан, кастелян Твердыни Солнца.

Лорд Морзос – высокий мужчина сорока пяти лет, с короткими белыми волосами, одетый в темно-синий дорожный плащ, под которым виднелся добротный серый камзол с драгоценными камнями в виде ларсина, – ответил:

– Да, вы правы, мой мальчик. Мы как раз говорили о вас.

– Лорд Морзос принёс тревожные вести, – сказала Валери. – Мой брат король готовится к коронации и собирает новый Белый совет.

Лорд Морзос добавил:

– Я просил его не торопить события. Но, учитывая нынешнее положение и ту угрозу, которую несёт в себе ваш незаконнорождённый брат, всё-таки был вынужден смириться с его решением. К сожалению, многие лорды холодно приняли нововведения его величества и, насколько мне известно, уже переметнулись к противоположным сторонам, близким с их убеждениями.

– Вы имеете в виду моего дядю? – спросила Валери.

Лорд Морзос утвердительно кивнул:

– Да, моя принцесса. Лорд Мариарн тяжело обижен на вашего брата и покинул пост главы Белого Совета менее полугода назад. Его поддерживают многие соратники, но не думаю, что он осмелится предпринять какие-нибудь резкие шаги.

– А что насчёт нашего незаконного брата? Что слышно о Вулфире? – забеспокоилась Валери.

– Нам мало что известно. Разведчики передают, что основные его силы находятся на Западе, в Кхоноре. И что теперь он и все подобные ему «сторонники» зовут себя единым родовым именем Мельзис.

В разговор вмешался Кантас:

– Мельзис? Но это же...

– Да, так давно звали незаконнорождённого брата короля Аргоса Мудрого. Он спас брата от смерти и получил прозвище «Спаситель». А позже сам стал королём, после того как тот умер от чахотки, не оставив детей. Видимо, Вулфир с компанией метят на место его величества и считают, что они истинные спасители королевства. В столице его теперь называют Бастардов король, а совет, который он собрал на подобие Белого, – Бастардовым.

– Значит, от него исходит опасность? – Валери крепко сжала руку королеве, от чего та легонько вздохнула. – Прости, матушка... Это так?

– Боюсь, он крепко забрал себе в голову, что достоин быть королём.

Кантас удивился:

– Но ведь он столько всего сделал во время войны! Я знаю, он постоянно находился подле короля, вместе с принцами.

Лорд Морзос кивнул:

– Вы правы, и я думаю, именно это дало ему основание полагать, что он является истинным наследником короля Мефироса.

Яркие голубые глаза принцессы Валери вдруг потускнели, стали казаться синими:

– Я всегда любила его и восхищалась им. Но он оказался волком в овечьей шкуре... И что же вы теперь предпримете, лорд Морзос?

– Попытаюсь убедить вашего брата повременить с коронацией и дать нам время, чтобы мы смогли сосредоточиться на Вулфире. Война отняла у нас много сил, и никому не хочется возвращаться к этому кошмару... – лорд Морзос повернулся к Кантасу. – Я бы хотел чуть позже поговорить с вами наедине. А сейчас не могли бы вы оставить нас? Мне нужно поговорить с Её Величеством.

– Конечно, милорд, – поклонился Кантас.

И вместе с кастеляном вышел из комнаты. К принцессе просьба Морзоса не относилась, и она всё ещё держала руку матери.

Кантас спросил у Наргаса:

– Как думаете, решится ли Вулфир напасть на твердыню?

Тот немного задумался:

– Не думаю, что он способен на это. Если у него, конечно, ещё осталось что-то от прежнего славного мальчика, который бегал здесь, когда его мать решила навестить королеву. А если нет, то мы основательно подготовимся к осаде. Никому ещё не удавалось взять Твердыню Солнца! – на этой высокой ноте кастелян откланялся и спустился вниз.

Вести, которые принёс лорд Морзос, и вправду были мрачными. Кантас помнил, как в последний раз виделся с Вулфиром, сводным братом, героем вторжения, а до этого скромным, начитанным, как и он, любившим ездить верхом и стрелять из длинного лука, подаренного Вулфиру Его Величеством, когда тот был жив. Матерью Вулфира являлась

принцесса Мерия – кузина короля и любовница. Красивая снаружи, но полная ядовитых змей внутри. Вулфир рассказал Кантасу однажды, что хочет жить подальше от матери и что ему гораздо лучше с отцом и законными братьями, чем с ней, но королеве это не нравится. Будучи старше Кантаса на шесть лет, Вулфир тепло к нему относился и учил его правильно седлать лошадь, чтобы не свалиться при езде, учил, как высчитывать направление ветра и стрелять без промаха. Вулфир не раз гостил в Снежном Городе, и они вместе с Вардасом – ещё одним незаконным братом от тети Кантаса – ходили на охоту в лес, играли в Потешной Башне – пятиметровом снежном сооружении, возведённом их предками, когда они были ещё детьми. С каждым поколением Башня становилась все больше и крепче, и все дети в округе – будь то хоть сын лорда, или же сын крестьянина – участвовали в импровизированной осаде. А после, мокрые и уставшие, они втроем плелись в горницу, где старые служанки, ругая, раздевали их и сушили одежду.

Теперь же этот брат решил захватить трон, сместив единокровного брата – короля Аргозара, – а за ним последовали и все остальные бастарды. И если они сейчас находятся в Кхоноре – значит, вся западная часть королевства, во главе с гранд-лордом Фергримом Кхорином по прозвищу Красная Борода, стоит за ним. Кантас не отрицал, что Вулфир находился в расцвете своих сил и подходил на роль правителя государства больше, нежели слабый и немощный семнадцатилетний

летний Аргозар, проведший в постели огромную часть своей жизни. Но законное право наследования ещё никто не отменял, и Вулфир теперь всего лишь узурпатор, посягнувший на святое.

Эти мысли прервал скрип двери, и лорд Морзос, попрощавшись с королевой и принцессой, подошёл к Кантасу.

– Вы всё ещё здесь, это очень кстати. Давайте спустимся вниз, – предложил он.

Идя вниз по лестнице, лорд обратился к Кантасу:

– Как вы уже понимаете, у нас теперь много проблем, которые нужно решать. Большую часть времени теперь я провожу в седле или повозке, что, конечно же, сказывается на моем здоровье. Я уже не так силен, как раньше, и не успеваю за вами, молодыми, – улыбнулся лорд Морзос. – Но в эти времена нужно опасаться сторонних ушей, из-за чего мне приходится лично извещать нужных людей. Гонцам я уже не доверяю. Многие из тех, кого я посылал к нашим лордам, вызывающим опасения, не вернулись назад...

– И часто ли такое случается? – спросил Кантас.

– Слишком часто, к сожалению. Вам мне тоже нужно кое-что передать, – он вытащил свиток из-за пазухи и вручил Кантасу. – Сторонников у Его Величества становится всё меньше, а враги множатся с невиданной быстротой. Мы будем рады видеть вас с нами и надеемся, что пример вашего дяди Ларгаса вдохновит вас на службу законному королю.

Развернув свиток, Кантас прочёл его. В нём говорилось

о том, что король Аргозар лично требует его к себе в столицу и приглашает стать одним из членов обновлённого Белого Совета.

– Это очень щедрое предложение, и было бы невежливо отказывать Его Величеству, – сказал Кантас, сворачивая свиток.

– Да, невежливо, – подтвердил лорд Морзос.

Кантас поклонился:

– Благодарю вас за письмо, милорд, и за оказанную честь. – И подумал: «Значит, вы решили сами проверить, насколько верны короне королева с принцессой и гарнизон замка из пяти тысяч солдат. Но зачем вам нужен я?..»

Морзос кивнул:

– Был рад встрече. Теперь же мне нужно немедленно покинуть вас, государственные дела не ждут отлагательств.

– Удачного пути, – попрощался Кантас, провожая взглядом Морзоса, уже командовавшего своим людям собираться в путь.

Ещё раз перечитав письмо, Кантас начал догадываться об истинной причине своего назначения. Кантас нужен им для того, чтобы показать лордам и простым людям, что они готовы принять даже такого как он, чтобы усмирить бастардова короля, который с каждым днём завоёвывал всё больше народной поддержки.

С этими невеселыми мыслями Кантасу пришлось пойти в сад, где, видимо, всё ещё находились его брат и сест-

ра. Когда он пришёл туда, послышались их весёлые голоса. Просторный сад с красивыми деревьями, на которых белели листья, слепил глаза. Десятилетняя Арнелия и семилетний Нордас играли в догонялки, мелькая между деревьями. Мальчик бегал за сестрой, но тщетно – её ноги были быстрее. Оба остановились, когда увидели Кантаса.

– Братик! Ты пришёл поиграть с нами? – спросил Нордас.

– Нет, иначе вы каждый раз будете побеждать, – с улыбкой ответил ему Кантас. Мальчик уже почти догнал сестру по росту и, подражая старшему брату, отращивал длинные волосы. Многие говорили, что Нордас очень похож на Кантаса в детстве. А сестра Арнелия хоть и была ещё ребенком, но очень ответственно относилась к своим обязанностям и присматривала за Нордасом.

– Ты скромничаешь, старший брат! – большие голубые глаза Арнелии сузились. – Мы знаем, что ты хороший бегун. И отличный воин.

– Да, точно! Никто не устоит перед твоим мечом, и ты всех победишь, да? – Нордас изобразил взмах невидимым оружием. – Отец не смог выиграть войну, но лишь потому, что тебя там не было. Он бы не умер, если бы ты защитил его.

Мальчишка восхищался королём, и даже смерть его величества два года назад не изменила мнения Нордаса о нём.

– Что толку сейчас об этом говорить? – сказала Арнелия. – У нас остался Кантас, сестрёнка Валери и королева. Да и дядя Ларгас со своим флотом. Они смогут защитить нас, если

что-то случится.

Кантасу показалось, что она о чём-то догадывается. Сестрёнка всегда славилась находчивостью и остроумием. Когда-нибудь она станет завидной невестой, пусть и рождена от незаконной связи. А у Нордаса уже имеются задатки великого воина. Нужно защитить их любой ценой и проследить, чтобы они выросли достойными людьми.

– Кстати, сейчас ещё рано для игр. Почему вы не на занятиях? – вспомнил Кантас о том, что каждое утро дети должны были проводить за учебой.

– Да, сегодня у нас арифметика и история, но учитель был занят приездом гостей, а нам надоело ждать его. Вот мы и решили здесь поиграть, – ответила Арнелия.

– Гости уже уехали, и, думаю, учитель Карнес сейчас будет весьма недоволен, если узнает, что вы не дождались его и сбежали. Марш на занятия! – скомандовал Кантас, но голос его был мягок.

– Хорошо, идём, Нордас, – сказала сестрёнка и взяла брата за руку. Едва они вышли из сада, как к Кантасу уже кто-то шёл. Это был посыльный королевы, и в руках у него был маленький свиток.

«Ну что там ещё», – подумал Кантас.

– Милорд Кантас, только что прибыл почтовый голубь и принёс это. Адресовано вам, – с этими словами посыльный вручил бумагу Кантасу. – Он прилетел с Огненного Острова.

«Вулфир», – тут же пронеслось у Кантаса в голове.

– Благодарю, – сказал он посыльному и направился в свою комнату. Там он распечатал свиток, скреплённый королевской печатью. Видимо, Вулфир решил не менять её вид и придерживаться официального. Кантас начал читать.

«Дорогой брат. Прости, что не могу лично сказать тебе это, думаю, ты понимаешь, почему. Я принял на себя обязанности короля Арзакии, хоть многие и отрицают мое право на трон. Я и сам никогда не смог бы представить, что когда-то настанет такое время. Но ты знаешь, кто я и что я сделал ради своей Родины, которая решила отставить меня от командования войсками и сослать как преступника на холодную смерть к Вратам Арзара. Поэтому я решил взять инициативу в свои руки и с боем забрать то, что принадлежит мне. Наш покойный отец всегда относился ко мне с большей любовью, нежели к новоявленному королю Аргозару, мальчишке, только недавно вставшему с постели. Но не бойся, я не братоубийца и проливать родную кровь не собираюсь. Все воины Кхонора и их корабли стоят за мной, а также те арзакийцы, что решили служить настоящему наследнику короля Мефироса. Наши с тобой братья командуют моими войсками, и все мы ждём, что ты как можно скорее присоединишься к нам. Арнелия и Нордас тоже могут приехать с тобой, и я всегда буду им рад. Кантас, от нас зависит судьба нашего королевства, величие имени рода Арзаринов. Во имя Арзара, прошу тебя ответить мне незамедлительно! Твой брат и истинный король, Вулфир».

Кантасу тяжело было читать это письмо, тем более тяжело было принимать после этого какое-либо решение. День изобиловал событиями, и Кантас совсем не удивился, когда пришёл тот же посыльный и с каменным лицом принёс ещё одно послание. На сей раз, это действительно было письмо – в красивом конверте с печатью лорда Драконьего Логова. Принц Мариарн Арзарин писал кратко, но посыл его был ясен. Прибыть немедленно в его замок для дела государственной важности. У Кантаса голова закружилась от этих писем, а он ведь ещё не отошёл от приезда лорда Морзоса и его вестей... Сказать ли обо всем королеве и принцессе? Как они воспримут его слова? И что будет с младшими, если он примет неверное решение?

Три письма, три претендента на трон, ждущие, что он присоединится к одному из них.

Первый, Аргозар Арзарин, который после грядущей коронации будет именоваться Аргозаром III, был четвертым и последним законным сыном короля Мефироса, большую часть жизни проведшим в бреду или же во сне, после того как в шестилетнем возрасте упал в ледяные воды Северного моря. Многие именно после этого случая сбросили его со счетов, так как ни один человек королевской крови не боялся холода и мог часами проводить на снегу без одежды. Кантас много раз видел его в Марзенгатте, столице Арзакии, неподвижно лежащим в своей роскошной кровати с одеялами из шкур белого медведя. Лицо его было исхудавшим и походило на лик

мертвеца, а серебряные волосы доходили до пояса. При этом он казался красивым и несчастным юношей, которому не повезло в детстве. Момента его чудесного бодрствования Кантас не увидел и не знал, как он выглядит сейчас.

«Проснулся бы он, узнай наперёд, что ждёт его в этом жестоком мире?»

Второй претендент – или же узурпатор, как его описал в своем кратком письме принц Мариарн – был бы идеальным претендентом, если бы его родила королева Анрит, а не принцесса Мерия. Вулфир не забыл о брате и сестре Кантаса, за что тот ему был негласно благодарен. Но это не значило, что они будут в безопасности под его опекой, хоть у него и есть сильное войско, закалённое во многих битвах.

Третий же соискатель, уже успешно начинавший свое правление ещё до того, как пробудился Аргозар, и участвовавший в сражениях на южных землях рядом с братом-королём, в глазах многих казался самым достойным из претендентов. Мариарн Арзарин, ещё при жизни брата-короля получивший в свое распоряжение древний и величественный замок Драконье Логово и титул Белый Дракон, имел под своим командованием более сорока тысяч солдат, пеших и конных. Также занимал пост главы Белого Совета, пока полгода назад не покинул его, узнав о том, что проснулся последний сын покойного короля Мефироса. Теперь же он почти безвылазно пребывал в своем замке, находившемся на грани-

це с южными королевствами и выгодно стоявшем на вершине Пылающих гор. Взять замок снаружи было невозможно, разве что только изнутри. Но Кантас сомневался, что такой суровый и верный идеалам человек, как Мариарн Арзарин, захочет отобрать власть у своего племянника, каким бы ничтожным тот ни казался.

Сложив все три письма на резном позолоченном столе, Кантас должен был сделать выбор, последствия которого в будущем могли стоять ему жизни. Подумав минуту, он схватил разом все бумаги и швырнул в огонь. Их свет отражался в голубых глазах Кантаса, и казалось, что лёд и пламя, извиваясь, кружили в безумном танце...

Глава 5. Запад

За шесть дней до.

На завтрашний день, за завтраком, Клаус поделился своими мыслями с Жозефом. Тот, как это и ожидалось, был весьма удивлён, его настораживала решимость Клауса добраться до истины.

Жозеф, наливая подогретое вино в кубок Клауса, сказал:
– Милорд, мы находимся в очень опасной ситуации. Я распорядился вчера отмыть тело погибшего и приготовить к упокоению. Доспехи мы почистили и держим у кузнеца. Но я вынужден ещё раз спросить у вас, должны ли мы написать вашему лорду-отцу и вашим братьям, чтобы они немедленно приехали и разобрались во всём сами?

Клаус, жуя кашу, ответил:

– Да, но я не хочу оставаться позади, когда они прибудут. Я хочу сначала сам разобраться в том, что именно происходит.

– Вынужден напомнить, что у нас нет лишних сил для поиска виновных в смерти того рыцаря. А вы предлагаете покинуть деревню и отправиться в путь, полный опасностей, из-за призрачных предположений. Ваш отец посчитал бы это весьма неразумным, – пододвигая кубок, сказал целитель.

– Он так считает или ты?

– Это неважно, я не могу подвергать вас такому риску. Если вы думаете, что убийцы того рыцаря придут к нам за ответом, то нашим долгом является предупредить обо всём ваших братьев и с войском отбиться от угрозы, – многозначительно взглянув, констатировал Жозеф.

– Да, так бы я и поступил. Если бы был одним из братьев. Но я – это я. И не могу упустить возможность доказать свою отвагу.

– Я не сомневаюсь в вашей отваге, но благоразумие должно подсказывать вам, что ваш план обречён на провал, – с грустью заметил Жозеф и встал.

«Владыка», – шепнул вдруг призрачный голос.

– Сядь. Я ещё не договорил, – с напускной грозностью сказал Клаус – и целитель вернулся на место.

– Мы пойдём на Север не одни, а соберём отряд. Человек двадцать должно хватить. Остальные останутся в деревнях и будут готовы при случае дать отпор тем, кто придёт за футляром.

– Мы подвергнем жителей опасности, – покачал Жозеф головой.

– Знаю. Именно поэтому мы отвлечём внимание убийц на себя. А когда они подберутся к нам, то мы сразимся с ними и отдадим в руки правосудия. И футляр благополучно вернётся к хозяину.

– Из ваших уст все кажется простым, но я вижу много папок, которые так и несутся в колёса. Как мы сможем отвлечь

убийц от мирных людей? Как мы заставим их идти за нами? Как мы поймаем их в ловушку и чудесным образом всех разом сокрушим? Я знаю, что вас обучали именитые рыцари, но, к сожалению, многие здешние мужи подобным мастерством похвастаться не могут. На одно их обучение азам владения оружием уйдет не меньше трёх недель...

– Тогда заплатим наёмникам. Я слышал, что в пяти милях отсюда есть трактир, в котором они десятками ошиваются.

– Я знаю об этом, но этот сброд скорее предаст вас и забереёт футляр себе, чем поверит вашим словам и пойдёт вместе с нами. И – кто знает – может, там и скрываются те самые убийцы...

– Тогда посоветуй мне, что нам делать. Но только до приезда моих родичей. С этой ситуацией мы должны разобраться сами. И скорее.

Жозеф встал из-за стола:

– Если вы уверены и действительно хотите этого, то я что-нибудь придумаю. Хотя я и категорически против. Ждите меня возле бакалейной лавки после обеда – и, подмигнув, Жозеф вышел из столовой ратуши.

Клаус не спал всю ночь, вынашивая план, и думал, что выбрал верный путь. Слова Жозефа слегка подорвали его решимость, но вкус новых успехов уже глубоко засел в его мыслях. Однако на кого же оставить деревни, пока не придут братья с солдатами, если Жозефа он возьмёт с собой? Тот мрачный священник, Мариус, хорошо управлялся до его

приезда, и верным решением будет посвятить его в свои планы, не углубляясь в детали. Много времени его поездка не должна занять, и никто в Кресслэнде не должен догадаться об этой аванюре. Когда братья приедут в деревню, то жители честно должны ответить, что ни о каком футляре и рыцаре, при котором он находился, они не слышали. Нужно сказать об этом Жозефу, пусть тот поговорит с теми тремя латниками и кузнецом, чтобы держали рот на замке.

Войдя в свою комнату на втором этаже ратуши, заменившей гостиницу, Клаус открыл тяжёлый дубовый сундук и проверил, на месте ли футляр. Клаус не притрагивался к нему со вчерашнего дня – тот всё ещё золотился на дне сундука. Клаус посмотрел на футляр и увидел своё отражение – больше никаких лиц видно не было.

Наконец пришло время обеда, и Клаус с нетерпением направился к бакалейной лавке, где снаружи его ожидал Жозеф.

– Вы пришли рано. Пока не все собрались, но мы подождём, идёмте, – позвал он за собой. Вместе они прошли за лавку, где на небольшом пустыре между двумя домами располагался старый деревянный стол. На нём лежал пустой свиток, а рядом перо и чернила. Рядом со стеной, прислонившись спинами, стояли пятеро человек. И Жозеф поспешил их тут же представить:

– Откликнулись немногие, за одним даже пришлось послать в Филсуотер. Он-то и задерживается. С вашего позво-

ления, здесь находятся братья Барен, Боден и Бэген (каждый из них поклонился, когда называли их имена), а это Карл – один из немногих местных поваров, согласившихся помочь нашему делу и предоставлять своё кулинарное мастерство в походе (низкий худой человечек с кислым видом слегка наклонил голову). Вот его главный дегустатор и помощник Трюгер (большой и толстый, он наклонился настолько, насколько ему позволял его объёмный живот). Это пока лишь те, кто смог подойти, но уверяю вас, будут и остальные, – с веселой улыбкой пояснил Жозеф.

– Минуту, ты уже всё всем сказал?..

– Вы ведь говорили, что нам понадобятся верные соратники и не больше двадцати человек. К сожалению, я нашёл меньше, но этого на первое время хватит. Мы запишем их имена, – Жозеф указал на стол, – и в своё время наградим их за службу. Не вы одни жаждете славы и приключений. Ах да, я послал гонца в Кресслэнд, думаю, к завтрашнему дню он доберётся и оповестит ваших братьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.